

Алексей Константинович КИРИЛЛОВ

**ВОПЛОЩЕНИЕ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ В СИБИРИ:
ОТМЕНА КРУГОВОЙ ПОРУКИ**канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: alkir.nsk@gmail.com

В центре внимания статьи – реформа 1906 г.: введение в Сибири единоличной ответственности по крестьянским платежам. Не удостоенная внимания историков, эта реформа интересна тем, что ее воплощение определялось не только предписанным из столицы законодательством, но также инициативой местных чиновников и отношением крестьянского общества. Тенденция «игры в прятки» с фискальными органами существовала и побуждала налоговиков добиваться законодательных уточнений, но она не стала господствующей в отношении крестьян к разверстке налогов.

Ключевые слова: столыпинская реформа в Сибири, отмена круговой поруки, разверстка государственной оброчной подати, крестьянские раскладочные приговоры.

Реформаторская политика П.А. Столыпина знаменита двумя своими составляющими. Применительно к Европейской России главным образом говорят о борьбе с общиной; в истории Сибири больше всего известно крестьянское переселение. Между тем и в сибирской жизни при Столыпине произошла крупная реформа, ослабляющая общинные скрепы. Речь идет о введении единоличной ответственности крестьян по налоговым платежам. Принятый еще при С.Ю. Витте закон 12 марта 1903 г. об отмене круговой поруки коснулся только Европейской России, в Сибири же она существовала еще три года.

Отмена круговой поруки в Сибири произошла как бы между прочим – то была одна из ряда царских милостей, явленных указом «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и других лиц бывших податных состояний» от 5 октября 1906 г. Смысл этого документа – политический. Начинаясь торжественным напоминанием про 19 февраля 1861 г. и про 17 октября 1905 г., указ провозглашал задачу – «завершить мудрые предначертания Царя-Освободителя на возвещенных Нами началах гражданской свободы и равенства перед законом всех российских подданных»¹

. Применительно к отмене круговой поруки в Сибири это стремление хорошо сочеталось с практическими надобностями, вытекающими из роста сибирского переселения. Переводить прибывающих в Сибирь переселенцев обратно во власть круговой поруки высшие власти сочли неправильным, а иметь дело со смешанным (в смысле единоличной или общинной ответственности) составом плательщиков – неудобным (подробнее см.: [1]).

Как следствие, отмена круговой поруки в Сибири отстала от центра страны лишь на три года, что мало по сравнению с реформами второй половины XIX в. Принятие на самом верху решения прошло быстро и безболезненно. Но его воплощение вызвало неожиданные трудности, решать которые сибирским властям пришлось самостоятельно. В том, как решались эти трудности и как они решились, проявляется роль крестьянского общества начала XX в. как самостоятельной силы, действующей лояльно по отношению к государственным интересам.

Дело в том, что введение единоличной налоговой ответственности делало особенно важной раскладку налога внутри сельского общества. Как повелось издавна, казенная палата определяла сумму причитающегося к уплате налога для сельского общества цели ком. Пока существовала подушная подать, эта сумма зависела от числа душ, затем – от площади землепользования. В любом случае внутриобщинная раскладка поручалась самому обществу, и чиновников не смущало то, что с одних сход возьмет больше, а с других – меньше. Если сход неверно определил платежеспособность хозяев, и кто-то из крестьян не сможет уплатить назначенную ему сумму, недоимку взыщут со всей деревни. Не то при единоличной ответственности: сход не несет материальной ответственности за принятое им ошибочное или даже заведомо ущербное для казны решение.

В Европейской России эту проблему решили заблаговременно. Еще 23 июня 1899 г. было принято Положение о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ. Оно четко установило, что раскладка налога «должна быть произведена уравнительно с применением ко всем домохозяевам одинаковых условий обложения». То есть показатели платежеспособности могли быть выбраны разные («согласные с установившимися местными обычаями»), но коль скоро они заявлены в приговоре, следовало соблюдать их при расчете суммы обложения для каждого плательщика. Следить за соблюдением этого правила поручалось земскому начальнику и податному инспектору. Если первый из них проверял вообще «согласие приговора с законом», то задача последнего формулировалась более точно – выявлять «отступления от закона, клонящиеся к нарушению казенного интереса»²

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. СПб., 1909. Т. XXVI. Отд. 1. № 28 392. С. 891.

² ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1902. Т. XIX. Отд. 1. № 17 286. С. 807.

Законодатель, таким образом, поставил специальную препопу на пути тех сельских обществ, которые захотят в общении с казной проявить «военную хитрость» и разложить львиную долю налога на бедняков, бобылей и «безвестно отсутствующих». После этого отменять круговую поруку можно было без опаски. Закон 12 марта 1903 г. прошел для податной системы безболезненно потому, что опирался на Положение 1899 г. Связь между двумя законодательными актами подчеркивалась даже в названии закона 1903 г.: «Об отмене круговой поруки крестьян по уплате окладных сборов в местностях, в коих введено в действие Положение 23 июня 1899 года о порядке взимания сих сборов с надельных земель сельских обществ»³

Но на Сибирь это положение не распространялось. После 1899 г. на восток от Урала система раскладки крестьянских налогов действовала в прежнем, дореформенном, виде. Даже в эпоху круговой поруки это вызывало возражения сибирских налоговиков. Податные инспектора обсуждали эту проблему на своих съездах [2, с. 98], управляющие казенными палатами направляли запросы в Департамент окладных сборов, губернаторы жаловались в МВД и даже (посредством «всепопданнейших отчетов») государю императору⁴

Забегая вперед, надо сказать, что столичные чиновники в общем виде соглашались с сибиряками. Они признавали, что «полное упорядочение постановки податного дела в Сибири может быть достигнуто лишь при условии введения в этих местностях того порядка взимания окладных сборов, который применяется в Европейской России на основании высочайше утвержденного Положения 23 июня 1899 года и закона 12 марта 1903 года»⁵

Но делать это до завершения поземельно-устроительных работ отказывались, «так как только с приведением в известность количества земельных угодий <...> будет твердая база как для исчисления общих контингентов оброчной подати для отдельных губерний, так и для распределения этих контингентов между отдельными уездами, а в пределе лах последних между отдельными сельскими обществами и селениями»⁶

Год за годом проходили без круговой поруки, а затем уже и без Столыпина, но даже в 1913 г. Сибирь еще оставалась вне действия Положения 23 июня 1899 г.

История настоячивых, но бесплодных препирательств между столицей и сибиряками по поводу Положения 23 июня 1899 г. не выглядит вполне прозрачной; не исключено, что обе стороны «держали в уме» дополнительные соображения, официально не излагаемые. Как бы то ни было, отмена в Сибири круговой поруки произошла в то время, когда сибирская податная инспекция была уверена в недостаточности механизма раскладки для обеспечения интересов казны. Руководство Томской казенной палаты забило тревогу и добилось принятия особых мер для борьбы с возможными недоимками.

Как воплощались эти меры на деле, видно из отчетов податных инспекторов по итогам 1907 г. Все инспектора отмечали на редкость успешное взыскание податей – и основного оклада, и недоимок прошлых лет, связывая это с применением насильственных мер.

«Усиленное взыскание с содействием военной силы недоимки за прежние годы в начале минувшего [1907] года оказало на экономическую жизнь населения и на поступление податей заметное влияние», – так писал кузнецкий инспектор. В Кузнецком уезде в течение одного лишь января 1907 г. собрали сумму, почти равную годовому окладу, «почему в первой половине года текущий оклад поступал плохо, но по мере выяснения результатов урожая 1907 г. платеж податей стал производиться крестьянами охотнее, тем более что указанный выше способ взыскания податей (с помощью военной силы) оставил в крестьянах, по-видимому, глубокое впечатление; опасаясь повторения этого в будущем вообще, они почему-то создали себе убеждение, что на следующий раз с них взыщут и все расходы по командировке военной силы»⁷

Похожим образом высказывался инспектор 1-го участка Барнаульского уезда. «Главнейшим фактором понижения недоимочности я считаю усиленную энергию, проявленную полицией в деле взыскания в первой половине отчетного года. Во главе с исправником была наряжена своего рода карательная экспедиция из станových приставов и стражников, которые, переезжая из селения в селение, производили взыскания, причем население беспрекословно уплачивало следуемые с него деньги»⁸

Еще одну разновидность использования силы упоминает мариинский податной инспектор: «На благоприятное поступление податей имело несомненное влияние постановление съезда крестьянских начальников с ходатайством о присылке воинской силы в Тундинскую волость, каковое постановление быстро сделалось известным населению; этим и объясняется тот факт, что в декабре минувшего года поступление податей более, чем за всю первую половину года»⁹

³ ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1905. Т. XXIII. Отд. 1. № 22 629. С. 134.

⁴ Государственный архив г. Тобольска (ГАТ). Ф. 152. Оп. 40. Д. 140. Л. 99–99 об., 136–136 об.

⁵ Там же. Л. 99–99 об.

⁶ Там же. Л. 136–136 об.

⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 156–156 об.

⁸ Там же. Л. 169 об.

⁹ Там же. Л. 173 об.

Еще более простыми мерами добилась своего администрация (крестьянские начальники, полиция, сельское самоуправление) Бийского уезда. Было составлено «весьма значительное» число описей имущества недоимщиков, подавляющее большинство которых после этого недоимку внесло¹⁰

. Выставление на продажу имущества недоимщика – мера стандартная, предусмотренная законом; в то же время массовое ее использование инспектор расценил как деятельность более энергичную, чем обычно, и вызванную распоряжениями губернатора.

Таким образом, инспекторы говорят о разных методах усиленного взыскания (где полиция, где армия, где опись имущества) и в разные месяцы – от конца 1906 г. до конца 1907 г. Но все описывают первый год без круговой поруки как год чрезвычайного налогового нажима на западносибирскую деревню.

Иначе обстоит дело в изображении руководства Томской казенной палаты, представившего Департаменту окладных сборов сводный отчет по губернии. До нас дошел машинописный проект этого отчета, подписанный начальником 2-го (податного) отделения А. Горт-де-Гротом и правленный от руки начальником казенной палаты И.Б. Маршангом. Палата сообщила, что собрано 4/5 годового оклада 1907 г. плюс 3/4 оставшейся недоимки (а всего – 126,9 % годового оклада). «Ближайшею причиною» такого успешного сбора налогов палата называла благоприятные экономические условия, подробно расписанные на четырех страницах: хороший урожай в сочетании с ростом запашки и ростом заготовок сена (вследствие возвращения ратников Русско-японской войны). О хорошем урожае отчитывались и инспектора – впрочем, не противопоставляя при этом последний год предыдущему, и главное – не выдвигая урожай в качестве единственного объяснения хорошего сбора налогов.

Руководство палаты уверяло, что «население платило подати, нисколько не обременяя своего хозяйства, и по своему экономическому состоянию могло бы выплатить большую сумму»¹¹

. По мысли палаты, этого не произошло из-за трудностей, вызванных отменой круговой поруки. «При действии круговой поруки широкая самостоятельность общества в раскладке податей имела основание <...> С 1 января 1907 г. при ответственности каждого плательщика только за себя положение изменилось: от обложения податями лиц, взыскание с которых по тем или иным причинам не может быть произведено, общество выигрывает, а казна, напротив, несет прямой ущерб»¹²

. «Крестьянское население при слабом развитии гражданственности, привыкшее к тому, что подати с него взыскиваются с угрозами и карами, в редких случаях вносит их добровольно, принимая все меры к тому, чтобы переложить, уменьшить или совершенно устранить от себя податное бремя. С этою целью общества нередко облагают податями больных, старых, неимущих, безвестно отлучных, причем на лиц последней категории оклад налагается без всякого соотношения к их имущественному положению, лишь бы была достигнута цель общества – уменьшение тяжести обложения платежеспособных и наличных членов. Результаты такого отношения уже успели сказаться с конца 1907 г.: в Палату последовал ряд ходатайств о сложении недоимок за невозможностью произвести взыскание»¹³

. Словом, томичи не упустили возможности напомнить о насущности введения в Сибири Положения 23 июня 1899 г.

Только после столь длинного предисловия автор отчета начал описывать меры принуждения, принятые в отчетном году.

10 марта 1907 г. управляющий палатой предложил податным инспекторам «приложить все старание к тщательному просмотру раскладочных приговоров со стороны равномерности раскладки и целесообразности принятых за основание признаков» (о нарушениях – сообщать в уездный съезд крестьянских начальников и в казенную палату)¹⁴

. Кроме того, сотрудники палаты бдительно следили за «соответствием между платежными средствами населения и поступившими платежами». В случаях несоответствия от инспекторов требовали объяснений. Те обычно пеняли на сельских и волостных старост, которые «крайне редко и нерешительно пользуются предоставленными им мерами понуждения», вследствие чего среди недоимщиков числятся «вполне состоятельные и зажиточные лица»¹⁵

Побывав «на местах», управляющий убедился в правоте инспекторов и официально заявил томскому губернатору, что «только отсутствием должного интереса и энергии у волостной и сельской администрации и крестьянских начальников можно объяснить неодинаковую недоимочность волостей, <...> в экономическом отношении находящихся в совершенно одинаковых условиях»¹⁶

Помимо общих заявлений, казенная палата теребила губернатора указаниями на отдельные недоимочные общества и отдельных недостаточно требовательных чиновников. Недовольство финансистов вызывали и крестьянские чиновники, допускающие появление недоимки, и полиция, недостаточно требовательно эту

¹⁰ Там же. Л. 162. Ниже уточняется, что было составлено 128 описей по 114 селениям, описано 8056 имуществ.

¹¹ Там же. Л. 177.

¹² Там же. Л. 177 об.

¹³ Там же. Л. 177 об.–178.

¹⁴ Там же. Л. 178.

¹⁵ Там же. Л. 178 об.

¹⁶ Там же. Л. 179.

недоимку взыскивающая. Менторски-назидательно палата «просила» губернатора «напомнить подведомственным чинам, что борьба с проявлениями упорства в неплатеже податей не терпит попустительства», что «своевременное взыскание податей не только предупреждает накопление недоимок <...> но, помимо сего, имеет дисциплинарное для крестьян значение, напоминая последним о строгости закона и необходимости добровольно и неукоснительно нести законные повинности»¹⁷

В качестве самого значительного ответного действия губернатора документ казенной палаты упоминает циркуляр от 5 мая 1907 г. Крестьянским начальникам этот циркуляр предписывал «лично разъяснить сходам тех селений, которые откажутся от раскладки, что такой отказ является преступным неисполнением закона, что и без раскладочного приговора подати будут взысканы», а исправникам – составить описи имущества «жителей тех селений, которые до 1 июля не только не уплатят оклада 1[-й] половины [года], но и не составят приговоров»¹⁸

Упомянутый здесь «отказ от раскладки» перекликается с упоминанием бийского инспектора об «отказе сделать разверстку переселенческого оклада и недоимки по Михайловской волости», вследствие чего инспектору пришлось лично «делать разъяснения» волостному правлению и сельским обществам, а также командировать своего помощника для «непосредственного разъяснения на сельском сходе и склонения к разверстке крестьян дер. Березовки Михайловской волости»¹⁹

Ясно, впрочем, что речь идет о простом непонимании нового закона, которое не имеет отношения к его изъяснению и не выходит за рамки курьеза²⁰

Более важное значение имеют другие два вывода из приведенных цитат. Непосредственно из описания борьбы казенной палаты за улучшение сборов становится ясно, что именно финансовое ведомство стало инициатором усиленных мер взыскания. Упомянутые податными инспекторами грозные циркуляры губернатора явились ответом на настойчивость казенной палаты.

В целом же проект отчета казенной палаты создает впечатление, что его автор стремится принизить значение принудительных мер. Казалось бы, это не вполне логично, коль скоро именно по настоянию палаты они приняты и дали вроде бы положительный эффект. Объяснить это противоречие можно тем, что чрезвычайные репрессии не соответствовали ординарному уровню проблемы.

То, что репрессии были чрезвычайными даже на уровне циркуляров, видно все из того же черновика казенной палаты. Весь кусок текста (более страницы), связанный с описанием губернаторского циркуляра от 5 мая 1907 г. и его последствий (успешное взыскание податей и недоимок), в документе зачеркнут; на поле И.Б. Маршанг пометил: «Едва ли законно!». А ведь мы уже знаем, что чиновники нижнего уровня (крестьянские начальники) действовали еще более решительно.

Один из податных инспекторов (2-го участка Томского уезда) даже упоминал военное взыскание в конце 1906 г. как причину снижения платежеспособности. Главной причиной успешного поступления окладных сборов в 1907 г., – писал он, – следует считать хороший урожай, «значительно подкрепивший платежные силы населения, несколько подорванные усиленными взысканиями недоборов в конце 1906 года с продажей имущества неисправных плательщиков»²¹

Чрезвычайное взыскание могло бы еще быть оправданным, если бы крестьяне действительно сплошь и рядом стали перекладывать налоги на неспособных плательщиков. Но этого не произошло. Обнаружив, что напрасно перебаламутили всю губернию, чиновники казенной палаты попытались затушевать произведенный эффект.

Вместе с тем можно, по-видимому, говорить о том, что проблема взыскания налогов действительно существовала. Мы уже встречали в черновике казенной палаты упоминание о ходатайствах о сложении недоимки 1907 г. за невозможностью взыскания. В тон палате высказывается и податный инспектор 2-го томского уездного участка: отмена круговой поруки – это «новый фактор, сильно влияющий на увеличение недоимочности».

Однако инспектор ведет речь не о неверных раскладках, а о трудности взыскания с ушедших на заработки: многие из них не берут паспортов, и неизвестно, куда ушли²²

Это действительно связано с отменой круговой поруки, но едва ли объясняется отсутствием в Сибири Положения 23 июня 1899 г., на которое так опирает в своем отношении казенная палата (оно ведь не запрещало раскладывать налоги на промысловиков).

Не менее интересен тот факт, что казенная палата стала требовать усиления взысканий еще до закона об отмене круговой поруки в Сибири: первое отношение губернатору в таком духе было направлено 28 сентября 1906 г.²³

Это отношение упомянуто палатой в общем русле давления на недоимщиков в 1906–1907 гг.; между тем

¹⁷ Там же. Л. 179–179 об.

¹⁸ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 179 об.–180.

¹⁹ Там же. Л. 162 об.–163.

²⁰ Возможно, кое-где сказывались исключительные местные обстоятельства. Тот же бийский инспектор, говоря о борьбе с отказами от раскладок, упоминает доставление им в казенную палату сведений «по исправлению счета лиц и окладов в списках переселенцев». Не исключено, что речь идет о требовании крестьян исправить какие-то ошибки.

²¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 165.

²² Там же. Л. 165 об.

²³ Там же. Л. 179.

ясно, что оно не может быть связано с последствиями реформы 5 октября 1906 г.

Еще одно обстоятельство, подрывающее попытку казенной палаты свести дело к Положению 23 июня 1899 г., – это примеры воздействия податной инспекции на раскладки. Выше приводилась цитата из циркуляра начальника казенной палаты от 10 марта 1907 г. с предложением к инспекторам проверять не только соответствие раскладки заявленным показателям, но и целесообразность заявленных признаков. И это действительно делалось, как видно из отчетов податных инспекторов. Именно за 1906–1908 гг. в томском архиве сохранилась богатая подборка из тысяч копий раскладочных приговоров. Достоверно известно и то, что в некоторых случаях от крестьян действительно добивались пересмотра неравномерного раскладочного приговора. Бийскому инспектору это удалось при посредстве уездного съезда крестьянских начальников²⁴

. Таким образом, орудие для борьбы с неравномерными раскладками у сибирских податных инспекторов имелось даже после отмены круговой поруки.

Получается, что когда от общих рассуждений на тему «слабого развития гражданственности» дело переходит к непосредственным примерам из жизни, проблемы взыскания оказываются связаны не столько с отсутствием в Сибири Положения 23 июня 1899 г., сколько с отменой круговой поруки вообще и – еще шире – с общими трудностями взыскания, существовавшими даже при круговой поруке.

В итоге становится ясно, что отмена круговой поруки в Томской губернии была связана с ощутимой встряской, которая, однако, не обуславливалась ни существом законодательных новшеств, ни поведением крестьян. Местные чиновники Минфина, уделяя чрезмерное внимание законодательству, переоценили грядущие перемены в налоговом поведении крестьян. Принятые по их настоянию чрезвычайные меры, к тому же усиленные простотой полицейского восприятия губернаторских приказов, должны были улучшить раскладочные приговоры, а на деле привели к сокращению дореформенных недоимок. Средства не то чтобы оказались безрезультатными, но ударили мимо цели. Использовать их ежегодно было нельзя, вопрос о регулярных мерах борьбы за равномерность крестьянских раскладок оставался насущным. Крестьянское общество оказалось более инерционным, чем рассчитывали томские налоговики. Это давало отсрочку, но не позволяло вообще отказываться от решения проблемы расчета налогов с учетом усиления единоличного начала в деревне в частности и в российской жизни в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллов А.К. Система денежного налогообложения сибирских крестьян в конце XIX – начале XX века // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890-е – 1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 1–47.
2. Журнал заседаний съезда податных инспекторов и их помощников Тобольской губернии в августе м[есяце] 1905 года. Тобольск, 1906.

*Статья поступила
в редакцию 30.01.2012 г.*

---

²⁴ Там же. Л. 163–163 об.